

СОБРАНИЕ
ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТРУДОВЪ

АЛЕКСАНДРА КОНСТАНТИНОВИЧА

ГЕЙНСА.

ТОМЪ III-й.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1899.

З А М Ъ Т К А

ПО ПОВОДУ

АНГЛО-РУССКИХЪ НЕДОРАЗУМѢНІЙ ВЪ

1885 г.

1885-й годъ.

По поводу англо-русскихъ недоразумѣній 1885 года.

Наши усложненія съ Англіею начались по слѣдующему окончательному поводу: лѣтомъ 1884 года послѣ того, какъ жители Мервскаго оазиса подчинились Россіи, Гладстонъ просилъ наше правительство опредѣлить точнѣйшимъ образомъ пограничную линію между Авганистаномъ и Россіею.

Прецендентомъ для такого представленія послужило соглашеніе, состоявшееся между Англіею и Россіею въ 1873 году. Соглашеніе это, отчетливо формулированное въ депешѣ лорда Гренвилля къ англійскому послу при Петербургскомъ Дворѣ, лорду Лофтусу, отъ 17 октября 1872 года, имѣло въ виду опредѣлить въ Азіи демаркаціонную черту, южнѣе которой не могло бы распространяться русское вліяніе, а сѣвернѣе—англійское. По соглашенію между обѣими державами эта черта должна была совпадать съ сѣвальною границею Авганистана, почему всѣ страны, лежащія на сѣверѣ отъ нея, подпадали подъ протекторатъ Россіи, а простирающіяся къ югу составляли арену безпрепятственнаго вліянія Англіи. Такою мѣрою хотѣли устранить возможность столкновенія между обѣими державами.

Нужно имѣть въ виду, что во время, когда состоялось соглашеніе, Кокандъ, Бухара и Хива либо были присоединены къ Россіи, либо подпали фактически ея власти; но со стороны Каспійскаго моря мы владѣли тогда однимъ Красноводскимъ укрѣпленіемъ, отстоящимъ на нѣсколько сотъ верстъ отъ границъ Авганистана. Согласно того, обѣ стороны опасались только, чтобы Бухара или Хива не задрались какъ-нибудь съ Авганистаномъ, и чтобы изъ-за ссоры между собой русскихъ и англійскихъ вассаловъ не начались бы недоразумѣнія между великими европейскими державами.

Что же касалось до возможности пограничныхъ ссоръ съ Авганистаномъ со стороны, обитаемой туркменскими племенами, то она представлялась совершенно невозможною, такъ какъ Россія и не думала еще распространять свое вліяніе среди туркменскихъ кочевьевъ. Потому вниманіе дипломатіи было направлено только на точнѣйшее опредѣленіе границъ между средне-азійскими ханствами и Авганистаномъ. Здѣсь за исходную пограничную точку было принято озеро Сары-Куль, изъ котораго вытекаетъ одинъ изъ рукавовъ рѣки Аму-дарьи, и граница назначена какъ по этому рукаву, такъ и собственно по рѣкѣ Аму-дарьи до аула Ходжа-Салеха. Далѣе граница направлялась къ югу, юго-западу и западу, причемъ Авганистанъ отдѣлялся отъ Хивинскихъ владѣній полоскою совершенно необитаемыхъ и безводныхъ степей. Въ депешѣ лорда Гренвилля было сказано о сѣверо-западной границѣ Авганистана, что округи: «Анча, Серипуль, Маймене, Шиберганъ и Анхай входятъ въ составъ Авганистана, а простирающаяся далѣе степь принадлежитъ туркменскимъ племенамъ».

Ахаль-Текинская экспедиція Скобелева измѣнила положеніе Россіи въ Закаспійской странѣ. Съ паденіемъ Ахаль-Теке отдѣльныя туркменскія племена стали добровольно признавать надъ собой власть Россіи и, на-

конецъ, въ прошломъ году подчинился богатый Мервскій оазисъ.

Для поддержанія порядка въ обширной приобрѣтенной странѣ Россія заняла Серахсъ, лежащій на границѣ Персіи на рѣкѣ Герирудъ.

Сенсація, произведенная овладѣніемъ Серахса, была почему то до того велика, что министерство Гладстона, имѣя въ виду неопредѣленность въ назначеніи сѣверо-западной границы Авганистана (какъ оно было формулировано въ соглашеніи 1873 г.), просило о назначеніи смѣшанной англо-русской коммисіи для проведенія этой границы на мѣстѣ.

Здѣсь первая ошибка дипломатіи, сдѣланная съ англійской стороны и съ русской, согласившейся послать пограничную коммисію.

Такимъ образомъ, смѣшанная коммисія должна была проводить границу ранѣе, чѣмъ было опредѣлено въ принципѣ, гдѣ и какъ должна была она пролегать.

Наше правительство предлагало, впрочемъ, хотя и не настойчиво, опредѣлить полосу земли, въ предѣлахъ которой пограничная коммисія могла проводить границы.

Со стороны Остъ-Индскаго правительства старшимъ комиссаромъ былъ назначенъ генералъ Лемзденъ, членъ совѣта Индійской имперіи, а со стороны Россіи генералъ Зеленый, бывшій военный нашъ агентъ въ Константинополѣ (до войны). Къ Лемздену было назначено три помощника, полковники: Стюартъ, Риджуге и Стивенъ, знатоки яко-бы Средней Азіи и владѣющіе русскимъ языкомъ. Изъ нихъ Стюартъ былъ долгое время англійскимъ агентомъ въ Хорассанѣ и помогалъ словомъ и дѣломъ враждебнымъ Россіи элементамъ въ юго-западной Туркменіи, Стивенъ былъ вторымъ секретаремъ англійскаго посольства въ Тегеранѣ, а Риджуге былъ начальникомъ англійскаго конвоя. Помощникомъ

Зеленаго назначень Лессаръ, инженеръ путей сообщенія, состоявшій при постройкѣ Закаспійской желѣзной дороги, а потомъ изслѣдовавшій страны, лежащія вверхъ по рѣкамъ Герируду, Мургабу до Пендежа и Зюль-фанара.

Какъ только состоялось соглашеніе объ установленіи пограничныхъ комиссій Остѣ-Индское правительство просило авганскаго эмира Абдурахманъ - хана пропустить Лемздена съ его конвоемъ изъ Кветты къ Герату и далѣе до границы, причемъ было оговорено, что конвой будетъ состоять изъ 500 человекъ. Абдурахманъ согласился съ тѣмъ, что Риджуге, командиръ конвоя, долженъ былъ во всемъ подчиняться довѣренному офицеру, посланному эмиромъ.

Дѣло началось обманомъ со стороны англичанъ. Когда офицеръ эмира прибылъ къ англійскому отряду, онъ нашелъ, что послѣдній вмѣсто пятисотъ—состоялъ изъ 1600 вооруженныхъ людей, кромѣ еще большаго числа прислуги. Потому онъ отказался сопровождать англичанъ, такъ что Остѣ-Индское правительство принуждено было отозвать изъ конвоя 1100 человекъ.

Несмотря на отлично дисциплинированную въ Англіи прессу, она проболталась, что Лемздену было ассигновано 500,000 рублей на подкупы. Кромѣ того для угощенія Лемзденъ везъ съ собою 300 дюжинъ шампанскаго, 150 дюжинъ краснаго вина, 100 дюжинъ другихъ винъ, 100 дюжинъ коньяку, 150 дюжинъ виски и 400 дюжинъ англійскаго пива. Газета, рассказавшая все это, вызвала со всѣхъ сторонъ нареканія, и для своего оправданія, назвала калькутскую фирму, у которой пограничная миссія покупала вина и водку. Объявивши это, газета прибавила «миссія сэра Питера Лемздена была съ самаго начала позорной интригой, придуманной и выдвинутой индійскимъ министерствомъ въ Лондонѣ и секретариатомъ иностранныхъ дѣлъ въ Калькутѣ, съ цѣ-

люю поддѣть русскихъ на удочку выставкой военной силы и гигантскою системою подкупа».

Нужно къ тому замѣтить, что нынѣшній индійскій вице-императоръ лордъ Дефферинъ, бывший англійскій посланникъ въ Петербургѣ, отличается глубокою ненавистью къ Россіи и тою самонадѣянною наглостью, которая у англичанъ такъ хорошо прикрывается наружнымъ приличіемъ и джентельменскою выдержкою.

Въ то время какъ миссія Лемздена была уже въ Авганистанѣ, лордъ Дефферинъ затѣялъ торжественное свиданіе съ Абдурахманъ-ханомъ съ намѣреніемъ убить разомъ двухъ бобровъ: и доказать Россіи, что владѣлецъ Авганистана не болѣе какъ послушный вассаль Англіи и повліять на Абдурахмана внѣшнимъ величіемъ англійской власти въ Индіи.

Сѣздъ былъ назначенъ въ Равуль-Пиндѣ, на сѣверѣ Остъ-Индіи, куда англичане ко времени пріѣзда эмира стянули до 40.000 войска.

Что происходило на этомъ свиданіи, конечно, неизвѣстно. Переговоры съ Абдурахманомъ лордъ Дефферинъ велъ въ присутствіи сына императрицы Викторіи, герцога Канаутскаго. Извѣстно только, что англичане остались очень недовольны Абдурахманомъ, который бралъ деньги и оружіе, опоясался поднесенною ему драгоцѣнною саблею, просилъ еще деньги и оружіе, будто для войны противъ Россіи, но пропустить англійскія войска черезъ Авганистанъ не согласился, мотивируя свой отказъ ненавистью авганцевъ къ англичанамъ.

И такъ Англія сдѣлала всевозможное, чтобы обострить незначительный пограничный вопросъ и вызвать раздраженіе въ русскихъ и въ ихъ правительствѣ. Съ другой стороны и главноуправляющій Кавказомъ князь Дондуковъ-Корсаковъ не отсталъ отъ Дефферина въ легкомысліи. Прошлою зимою, живя въ Петербургѣ, онъ неоднократно говорилъ въ яхтъ-клубѣ, что не

пустить Зеленаго съ его коммисією для регулированія границы, а задержать его до тѣхъ поръ пока Лемзденъ не надоѣстъ авганцамъ и они его не перерѣжутъ вмѣстѣ съ конвоемъ. Эта болтовня была тѣмъ болѣе неумѣстна, что весь дипломатическій корпусъ записывается въ яхт-клубъ и очень часто его посѣщаетъ. Когда же князю Дондукову государь пожаловалъ мундиръ какихъ то казачьихъ войскъ, стоящихъ на Кавказѣ, то онъ въ клубѣ послѣ обѣда говорилъ во всеуслышаніе: «чѣмъ мнѣ отблагодарить государя? развѣ тѣмъ, что поднести ему Герать». Дипломаты-свидѣтели такой болтовни, не оцѣнивая настоящимъ образомъ слова Дондукова, телеграфировали во всю Европу о рѣшеніи взять Герать.

Пока это происходило въ Петербургѣ, миссія Лемздена, въ ожиданіи приѣзда Зеленаго, обратилась въ политическую агентуру прямо и открыто дѣйствующую противъ Россіи. Англійскіе офицеры изслѣдовали пограничную мѣстность, возбуждали противъ русскихъ авганцевъ и туркменъ, подкупали ихъ, отбирали подписи и рукоприкладства у туркменскихъ старшинъ и т. д.

Такимъ образомъ, пограничный вопросъ все болѣе усложнялся. Впрочемъ и по существу онъ не былъ легкимъ.

Рѣки Мургабъ и Герирудъ, протекающія въ Авганскихъ предѣлахъ, при выходѣ въ Туркменскую степь представляются тамъ артеріями, около которыхъ сосредоточивается вся жизнь туркменъ. Потому если Россія хотѣла удержать ихъ въ своей власти, то должна была озаботиться обезпеченіемъ туркменскихъ кочевьевъ и поселеній водою, этимъ синонимомъ жизни въ Средней Азій. Какъ не было неопредѣленно соглашеніе 1873 года, но оно все-таки давало безспорное право помогать, во имя туркменскихъ интересовъ, чтобы авгано-русская граница была проведена по сѣверной окраинѣ владѣній

бывшаго въ то время авганскимъ эмиромъ Шефъ-Али-Хана.

Герирудъ, пограничная рѣка, отдѣляющая Персію отъ Туркменской степи, была вовсе не заселена до послѣдняго времени, благодаря вѣковѣчной враждѣ между персіанами и туркменами.

Для общей характеристики долинъ Герируда и Мургаба и населяющихъ ихъ народовъ, необходимо оговориться, что туркмены съ давнихъ уже поръ опустошили своими разбойничьими набѣгами всю персидскую провинцію Хорассанъ и не одну ее, но и пограничное пространство отъ Гератской и Мургабской областей до Каспійскаго моря. Ежегодно туркменскіе алламаны грабили, убивали, уводили въ плѣнъ тысячи людей изъ всего сѣверо-восточнаго угла Персіи и сѣверо-западныхъ областей Авганистана. Прозванный восточными писателями раковиной міра Хорассанъ совершенно обезлюдѣлъ, какъ одичали и обезлюдѣли всѣ нѣкогда высоко-культурованныя страны, сосѣднія съ туркменскою степью. И не было способовъ смирить ихъ, потому-что съ туркменами трудно шутить. Какъ, на примѣръ, можно указать на Нуръ-Верды-Хана, хана Ахала и Мерва (умершій въ 1880 году), умѣвшаго давать отпоръ врагамъ туркменъ. Такъ, Медэмій, ханъ Хивы, чтобы положить конецъ разбоямъ туркменъ, собралъ огромное войско и въ 1855 году подошелъ къ Серансу. Здѣсь произошло сраженіе, которое кончилось совершеннымъ разбитіемъ хивинцевъ. При этомъ самъ Медэмій-ханъ былъ захваченъ вмѣстѣ со своею свитою на высококомъ курганѣ и безжалостно зарѣзанъ. Послѣ того грабежи алламанщиковъ стали еще настойчивѣе.

Тогда Персидское правительство рѣшило покончить съ туркменами и разорить самое ихъ гнѣздо Мервъ.

Предварительно въ 1860 году было устроено персіанами укрѣпленіе на лѣвомъ берегу Герируда, назван-

ное новымъ Серансомъ, а затѣмъ, въ 1861 году персидское войско въ составѣ 12.000 пѣхоты и 10.000 кавалеріи съ 33 орудіями двинулась на Мервъ. Туркмены трусили—предложили 1.000 семей заложниковъ за то, что будутъ жить смирно, 1.000 всадниковъ для шахской службы и по мискалю (золотнику) золота съ каждаго двора. Персидскій главнокомандующій Хальзе-Мирза отказался отъ этихъ предложеній, рѣшившись искоренить туркменское гнѣздо. Но судьба рѣшила дѣло иначе. Персіане были разбиты на голову, и только часть конницы успѣла удрать отъ рѣзни. Плѣнныхъ было такъ много, что цѣна невольника на бухарскихъ и хивинскихъ рынкахъ упала до 7 руб. за голову.

Послѣ Мервскаго разгрома персіане окончательно отказались отъ мысли смирить туркменъ, грабежи которыхъ проникли до самой середины Персіи. Къ слову сказать тотъ же Нуръ-Верды-Ханъ, который наказалъ такъ удачно хивинцевъ и персіанъ, разбилъ и русскій отрядъ генерала Ламакина при Ахаль-Теке въ 1879 г.

Такъ какъ туркмены жили только разбоями и продажею живого ясыра, захваченнаго въ Персіи, Авганистанѣ, Хивѣ, даже на берегахъ Каспійскаго моря и такъ какъ съ ними никто не могъ сладить, то кругомъ туркменскихъ владѣній все запустѣло и обезлюдѣло. Проѣзжая по окрестнымъ странамъ Персіи и Авганистана, европейцы видѣли всюду одни развалины, встрѣчали безмолвіе пустыни тамъ, гдѣ кипѣла когда-то широкая и богатая жизнь.

Вотъ почему часть теченія рѣки Герируда была совершенно пустынна до самаго послѣдняго времени. Только послѣ занятія нами стараго Серанса, около него стали поселяться солоры, самое слабое туркменское племя, а потому болѣе склонное къ осѣдлости и труду.

Выше Серанса долина Герируда была также обезлюденна и пустынна. Полковникъ англійской службы

Макъ Грегоръ проѣзжалъ въ 1875 году по долину Герируда отъ Герата до Персидской границы. Онъ говоритъ что «на всемъ протяженіи сдѣланнаго имъ пути по гребню длинной гряды невысокихъ возвышенностей, замыкающихъ долину съ сѣвера, расположенъ рядъ сторожевыхъ башенъ, которыя должны были бы быть заняты пограничною стражею, но остаются пустынными. Будь эти башни заняты, нѣтъ сомнѣнія, онѣ могли бы служить весьма дѣйствительной защитой, такъ какъ и самой маленькой партіи туркменъ не удалось бы пробраться днемъ, а еслибъ партія и проскользнула ночью, то утромъ легко было бы убѣдиться въ этомъ, и, разсчитавъ приблизительно численность партіи, сдѣлать тревогу».

Слѣдовательно, въ долину Герируда фактической границею между Авганистаномъ и Туркменскою степью, служилъ рядъ возвышенностей, замыкающій съ сѣвера Геразскую долину.

Что касается до долины Мургаба, то къ югу отъ Мерва населеніе, сгруппировавшееся по этой долине, состоитъ изъ туркменъ-сарыковъ, извѣстныхъ своими разбоями. Эти сарыки, въ пятидесятихъ годахъ, были вытѣснены изъ Мервскаго оазиса текинцами и, двинувшись къ югу, разогнали солоровъ, которые теперь пріютились у Серанса. Мѣстность, занимаемая сарыками, граничитъ на сѣверѣ Іюль-Отакомъ, а на югѣ Пенде или Пенджехомъ при сліяніи рѣки Кушки съ Мургабомъ.

Вѣчная борьба между собой разныхъ туркменскихъ племенъ и взаимныя набѣги поддерживали въ аулахъ всегдашніе безпорядки. Въ силу этого отъ времени до времени сарыки, тѣсимые текинцами, подаются южнѣ Пенде, до деревни Чалъ Дахтырь, занимаютъ авганскія пастбища и платятъ за это извѣстную подать. Это, впрочемъ, не мѣшало имъ грабить авганскія поселенія.

Послѣ занятія русскими Мерва и Іюль-Отака, всѣ

туркмены присмирѣли. Этимъ обстоятельствомъ рѣшились воспользоваться авганцы, вѣрнѣе англичане, чтобы подчинить себѣ сарыковъ.

Вообще, по мѣрѣ того, какъ Россія устанавливала въ Туркменскихъ степяхъ порядокъ и спокойствіе, замѣчалось желаніе подчинять ихъ своему вліянію. Напримѣръ, еще въ 1881 году, вслѣдъ за покореніемъ Ахаль-Теке, въ Пенде появляются какіе-то агенты. Какой-то *индїецъ* Сія-пумъ (черноризецъ) началъ даже анти-русскую пропаганду въ Мервѣ, гдѣ уговорилъ нѣкоторыхъ туземцевъ оказать сопротивленіе русскому отряду, но былъ взятъ въ плѣнъ и отправленъ въ страны отдаленныя.

Несмотря на все это, сарыки, жившіе въ Пенде, не пускали къ себѣ авганцевъ и не признавали ихъ власти. Это свидѣтельствуетъ г. Лессаръ, бывшій въ мартѣ 1884 года въ Пенде и не встрѣтившій тамъ ни одного авганца, и докторъ Регель, бывшій тамъ же черезъ два мѣсяца послѣ Лессара.

Такимъ образомъ, исходя изъ точнаго смысла соглашенія 1873 года и имѣя въ виду, что къ русскимъ перешли права, оговоренныя въ этомъ соглашеніи для туркменскихъ племенъ, граница Россіи съ Авганистаномъ должна бы быть проложена отъ Ходжа-Салеха по прежнему направленію, затѣмъ пойти по ряду холмовъ, пересѣкающему теченіе Мургаба южнѣе оазиса Пенде, отсюда, оставляя часть долины рѣки Кушки въ русскихъ предѣлахъ, до деревни Чаль-Дахтырь. Здѣсь граница должна пойти на юго-западъ и направиться по грядѣ возвышенностей, о которыхъ говоритъ Макъ-Грегоръ, по границѣ Персіи.

Строго говоря такая граница была бы основана и на бывшемъ въ 1873 году соглашеніи и на этнографическихъ предѣлахъ туркменскаго, авганскаго и иранскаго народовъ.

Для англичанъ, чтобы они ни говорили, такое или

другое направленіе границы было тоже все равно. Но спроста они ничего не умѣютъ дѣлать.

Какъ только русскіе заняли Серансъ, англійскія газеты стали убѣждать эмира Абдурахмана занять Пенденскій оазисъ и построить тамъ сильную крѣпость.

Въ августѣ 1884 года губернаторъ сосѣдней авганской крѣпости Бала-Мургабъ, прискакалъ въ Пенде съ сильнымъ отрядомъ кавалеріи, который везъ на крупахъ лошадей пѣхоту и занялъ Пенде. Съ сарыками, которые хотѣли сопротивляться, была произведена безмилосердная расправа, а авганцы объявили Пенде составною частію своей территоріи.

Въ концѣ прошлаго года въ Бала-Мургабъ, отстоящій отъ Пенде примѣрно въ 55 верстахъ, пріѣхалъ генералъ Лемзденъ со своимъ конвоемъ, который расположился здѣсь лагеремъ. Отсюда Лемзденъ поѣхалъ въ Пенде, здѣсь подкупалъ старшинъ-сарыковъ, увѣщевалъ ихъ служить эмиру вѣрно и вообще открыто и прямо поощрялъ авганцевъ дѣйствовать противъ соглашенія 1873 года. По этому поводу англійскія газеты говорили, что неприбытіе русской комиссіи на руку англичанамъ, которые могутъ свободно разъѣзжать по границѣ и утверждать здѣсь вліяніе Англіи.

Вообще положеніе, занятое англійскою комиссіею, было не только открыто враждебно Россіи, но направлено къ возбужденію туркменъ противъ нашей власти. Скорострѣльные ружья, даже значительными партіями, стали раздаваться особенно усерднымъ партизанамъ Англіи.

Поощряемые англичанами, авганцы послѣ занятія Пенде перешли рѣку и двинулись на сѣверъ. Послѣдовательно они заняли на Мургабѣ Дали-Кепри, Сары-Язы, Абдула-Рабатъ, Чарбакъ и даже приблизились къ Іюль-Отаку, отстоящему въ какихъ-нибудь 60 верстахъ отъ Мерва, гдѣ находилось центральное управленіе те-

кинцами. Наши посты отступали передъ авганцами, которые, конечно по совѣту англичанъ, заняли долину Мургаба на 120 верстъ сѣвернѣе оазиса Пенде. Затѣмъ авганцы вѣроятно одумались и потянулись опять къ югу.

При такомъ положеніи вещей, даже помимо легкомыслия князя Дондукова нельзя было позволить авганцамъ продолжать шутку шутить въ виду туркменъ, недавно подчинившихся Россіи.

Поэтому нашему отряду въ Серансѣ велѣно было подняться по рѣкѣ Герирудъ вверхъ по теченію и занять деревню Пули-Хатунъ, лежащую близъ выхода этой рѣки въ степи изъ тѣхъ самыхъ песчаныхъ возвышенностей, которыя пересѣкаютъ теченіе Мургаба близъ Пенде. Затѣмъ нашъ отрядъ сталъ усиливаться въ долинахъ Герируда и Мургаба и къ войскамъ пріѣхалъ генералъ Комаровъ.

Приближеніе сравнительно болѣе значительныхъ русскихъ силъ, особенно же занятіе Пули-Хатуна заставило Лемздена уѣхать съ частию своего конвоя и миссіи изъ Пенде, оставивъ здѣсь, конечно для военнаго руководенія, трехъ офицеровъ и 50 солдатъ. Кстати сказать (это было въ февралѣ), англичане и индійскіе солдаты начали страшно страдать отъ холода и лишеній.

Съ появленіемъ русскихъ близъ Пенде старинная ненависть авганцевъ къ англичанамъ воскресла съ старою силою. Обиравъ англійскія деньги, запрашивая невѣроятныя цѣны за припасы, авганцы стали еще угрожать англійскому лагерю. Поэтому Лемзденъ перебрался въ мартѣ въ Тирпуль, лежащій около 80 верстъ къ западу отъ Герата на самой границѣ Персіи, чтобы, въ случаѣ нужды, спастись на территорію Шаха. Лемзденъ, оставляя Бала-Мургабъ, снялся ночью; его поспѣшное передвиженіе къ персидской границѣ, форсированные переходы днемъ и ночью подъ проливными дождями и

по невылазной грязи походили на поспѣшный и скрытый побѣгъ.

Сосредоточивъ нѣкоторый отрядъ у Пули-Хатуна и принявъ непосредственное начальство надъ колонной въ 1.200 человекъ, генераль Комаровъ пододвинулся впередъ къ устью Кушки.

Тутъ началась комедія, такъ дорого стоившая авганцамъ. Поощряемый англійскими офицерами, особенно капитаномъ Устомъ, авганскій генераль сталъ обращаться и съ Комаровымъ и его отрядомъ съ чисто-азиатскимъ высокомеріемъ. Авганцы перешли на лѣвый берегъ Кушки и двинулись навстрѣчу Комарову. На флангахъ русской позиціи и въ тылу нашего отряда появились авганскіе отряды, которые охватывали насъ и грозили подавить насъ своею многочисленностью.

Тогда генераль Комаровъ рѣшился дать хорошій урокъ нахамъ-авганцамъ и ихъ учителямъ. Безпристрастіе заставляетъ меня однако замѣтить, что рѣшимость генерала Комарова, какъ она ни была необходима въ данную минуту, подкрѣплялась, какъ мнѣ кажется, тайными инструкціями главноначальствовавшего на Кавказѣ князя Дондукова. Такъ должно было быть непременно. И я это утверждаю, потому что знаю Дондукова и знаю также, что ему, по разъясненіи дѣла, послано весьма рѣзкое замѣчаніе.

Чтобы выбиться изъ сдавливающаго его авганскаго кольца, генераль Комаровъ два раза требовалъ отъ авганскаго генерала, чтобы онъ убралъ свои войска на правый берегъ Кушки. Получивши рѣшительный отказъ, генераль Комаровъ двинулъ весь отрядъ впередъ, но былъ встрѣченъ огнемъ и атакой авганской кавалеріи. Результатъ столкновенія извѣстенъ. 4.000 авганцевъ были разбиты на голову съ потерей всей артиллеріи, обоза и лагеря. Трепка была имъ задана капитальная и хотя генераль Комаровъ доносилъ сначала, что было убито

и ранено около 500 авганцевъ, но по точнѣйшимъ свѣдѣніямъ оказалось, что они потеряли до 1.500 человекъ, вмѣстѣ съ утонувшими, прирѣзанными сарыками и погибшими отъ голода въ пустынной и безлюдной странѣ. Сарыки разграбили также лагерь оставшихся англичанъ и угнали въ неволю прислугу и конвой лагеря.

Разбѣжавшіеся авганцы очистили всю долину Мургаба до самаго Герата.

Кажется немного ранѣе того генералъ Комаровъ приказалъ также продвинуться впередъ, приблизительно на 70 верстъ къ югу, отряду, стоявшему у Пули-Хатуна и занять Зюльфанаръ, лежащій у выхода Герируда изъ второй гряды (параллельной съ той, которая тянется между Пули-Хатуномъ и Пенде). Вмѣстѣ съ тѣмъ, генералъ Комаровъ, чтобы установить какой-нибудь порядокъ въ странѣ, организовалъ народное правительство въ Пенде.

Побѣда русскихъ при Пенде была для англичанъ громовымъ ударомъ. Привычные къ всегдашней уступчивости русской дипломатіи, какъ только британскій левъ показывалъ зубы, убѣжденные, что русскіе, а особенно наши вѣчно чего-то трясущіеся дипломаты, эти полуиностранны, ничего общаго съ Россіей неимѣющіе, не доведутъ дѣла до' такого конца, англичане не вѣрили глазамъ и ушамъ своимъ, чтобы московиты дерзнули вздуть ихъ друзей, ихъ вассаловъ въ то самое время, когда лордъ Дефферинъ препоясывалъ «le sabre de mon règne» Абдурахмана въ Равуль-Пиндѣ на страхъ врагамъ. Положеніе англичанъ стало не только высоко комичнымъ, но даже драматичнымъ.

Абдурахманъ получилъ извѣстіе о разгромѣ его войскъ и, какъ говорятъ, удивился только, что потеря незначительна. Затѣмъ Абдурахманъ оставилъ съ своимъ конвоемъ Равуль-Пиндъ и, не довѣряя мосту желѣзной дороги, а можетъ быть англичанамъ, пере-

правился черезъ Индѣ у Аттока въ экипажѣ и затѣмъ скрылся въ своихъ владѣніяхъ. Въ пограничномъ городѣ онъ издалъ прокламацію къ своему народу, въ которой Абдурахманъ заявлялъ, что онъ не уступитъ иностранцамъ ни пяди авганской земли и при этомъ поставилъ Англію, такъ сказать, на одну доску съ Россією. Только, будто извиняясь передъ авганцами на свою близость съ англичанами, онъ заявилъ, что «англійскій союзъ выгоденъ Кабулу». Съ тѣхъ поръ, Абдурахманъ смолкъ и про него въ послѣднее время вовсе не слышно.

Здѣсь у мѣста сказать нѣсколько словъ объ Абдурахманѣ. Какъ всѣ претенденты на авганскій престолъ, онъ приходится внукомъ знаменитому Достъ-Магомету. Его отецъ, во время многолѣтнихъ смутъ, послѣдовавшихъ въ Авганистанѣ послѣ смерти Достъ-Магомета, вызванныхъ спорами за престолъ между сыновьями, братьями, внуками умершаго эмира, былъ даже государемъ. При этомъ онъ былъ особенно обязанъ военнымъ талантамъ и энергіи своего сына Абдурахмана. Кажется, что пока отецъ послѣдняго былъ эмиромъ, Абдурахманъ управлялъ Балхомъ, и когда отправился въ походъ противъ языческихъ племенъ Кяфиристана, его отецъ умеръ въ Кабулѣ.

Тогда Кабуломъ завладѣлъ его дядя Ширъ-Али-Ханъ и Абдурахманъ, несмотря на рядъ блестящихъ побѣдъ, былъ нечаянно атакованъ сыномъ Ширъ-Али Эюбъ-Ханомъ въ Гератѣ, бѣжалъ отсюда въ Персію, оттуда пробрался со своими приверженцами въ Бухару и затѣмъ явился къ русскимъ властямъ въ Самаркандъ, прося у нихъ войскъ и оружія для борьбы противъ похитителей престола его отца.

Конечно ни того, ни другого онъ не получилъ. Ему назначили 20 т. руб. содержанія и дозволили жить въ русскихъ предѣлахъ. Между тѣмъ вспыхнула война между Ширъ-Али и Англією, въ которой англійскія

войска, дѣйствовавшія въ Авганистанѣ въ количествѣ 35.000 вооруженныхъ людей и 40.000 разной челяди, терпѣли многократно неудачи.

По смерти Ширъ-Али, Эюбъ-Ханъ, его сынъ, самъ отдался въ руки англичанъ и поселенъ гдѣ-то въ Индіи, но Эюбъ-Хану удалось разбить на голову англійскія войска подъ Гератомъ. Тогда на Эюбъ-Хана двинулся форсированными переходами генераль Робертсъ, разбилъ его и отбросилъ въ Персію, куда Эюбъ-Ханъ и скрылся.

Около этого времени, генераль Кауфманъ, Туркестанскій генераль-губернаторъ, былъ въ Николаевѣ, я же былъ градоначальникомъ въ Одессѣ. Считая меня знатокомъ среднеазиатскихъ дѣлъ, Кауфманъ нарочно пріѣхалъ въ Одессу, чтобы посовѣтоваться со мною объ авганскихъ дѣлахъ.

Взвѣсивши всѣ обстоятельства, зная, что Абдурахманъ очень умный и энергическій человѣкъ, что, несмотря на его кажущуюся симпатію къ русскимъ и ненависть къ англичанамъ, нельзя никогда довѣрять азіату, и что каковъ бы не былъ авганскій эмиръ, но если онъ одаренъ умомъ и талантомъ, то никогда не продастъ свою душу англичанамъ, которыхъ одинаково ненавидитъ вся безъ исключенія семья Достъ-Магомета, я горячо совѣтовалъ генералу Кауфману выпустить Абдурахмана изъ Ташкента и снабдить его деньгами для добыванія отцовскаго престола. Мы говорили объ этомъ вопросѣ цѣлую ночь и затѣмъ генераль Кауфманъ, которому нужно было отправиться въ Николаевъ, очень просилъ провожать его на пароходѣ. Здѣсь мы опять и опять взвѣшивали всѣ обстоятельства авганскихъ дѣлъ, и наконецъ, генераль Кауфманъ, отправлявшійся прямо въ Ташкентъ, рѣшился выпустить Абдурахмана въ Авганистанъ. Послѣдствія извѣстны: Балхъ, Маймене и другія сѣверныя провинціи признали

немедленно Абдурахмана своимъ эмиромъ, а затѣмъ и вся страна, изнеможенная войною съ Англією.

Какъ Достъ-Магометъ и Ширъ-Али, такъ и Абдурахманъ началъ съ полнаго подчиненія Англіи и съ систематическаго прикармливанія англійскихъ капиталовъ.

— Давайте денегъ и оружіе, оружіе и денегъ, и затѣмъ оставьте насъ въ покоѣ.

Полагаю, если только Абдурахманъ дѣйствительно уменъ, талантливъ и энергиченъ, онъ не измѣнитъ традиціямъ дома Достъ-Магомета. Какъ только онъ почувствуетъ себя укрѣпившимся и какъ только положеніе Англіи въ Остъ-Индіи поколеблется хоть немного, Абдурахманъ пойдетъ добывать съ оружіемъ въ рукахъ Пенжабъ, вѣковѣчное владѣніе Авганистана, составляющій теперь можетъ-быть лучшую провинцію Остъ-Индіи. А пока пусть тѣшатся и обманываются англичане.

Будто въ отвѣтъ за побѣду подъ Пенде, англичане заняли бухту Гамильтонъ у южной части Кореи, говорятъ отличную стоянку, огражденную четырьмя островками по укрѣпленіи которыхъ создается на Тихомъ океанѣ Гибралтаръ, одинаково грозный для Россіи, Японіи и Китая.

Я видѣлъ русскаго, бывшаго въ Лондонѣ во время извѣстія о сраженіи подъ Пенде. Паника и перепугъ были общіе. Въстѣ съ тѣмъ чувствовалось, какъ все общество Англіи почувствовало приливъ дикой злобы къ Россіи и русскимъ; но въстѣ съ тѣмъ, вездѣ проглядывалъ непривычный для Англіи страхъ, чувство неловкаго перепуга, сознаніе, что впереди что-то неизвѣстное, страшное, какъ отдаленные раскаты приближающейся бури.

Оставимъ пока парламентъ, министерство, Гладстона и рассмотримъ въ самомъ дѣлѣ, что наступательное движеніе русскихъ по направленіи къ Индіи страшно англичанамъ или это просто бредъ англійскаго воображе-

нія, ошибка, недоумѣніе ничѣмъ не объяснимое и не понятное.

Англо-Индійская Имперія представляетъ огромное политическое тѣло по пространству, только въ 5 разъ менѣе Россіи, но имѣющее населеніе въ 2,8 разъ болѣе. Изъ числа 75.883 кв. миль и 240.000.000 жителей—45.492 кв. мили, населенные 193,750.000 душъ, составляютъ непосредственныя владѣнія императрицы Викторіи. Остальная часть Остъ-Индіи принадлежитъ 153 туземнымъ государямъ, находящимся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Англіи, и управляющихъ своими подданными на основаніи конвенцій, заключенныхъ съ Калькутскимъ правительствомъ.

Распись Остъ-Индскихъ доходовъ и расходовъ близко подходитъ къ русскому. Государственный бюджетъ страдаетъ хроническимъ дефицитомъ, обыкновенно превосходящимъ 100.000.000 рублей. Государственный долгъ составляетъ до 1.200.000.000 рублей, на погашеніе котораго ежегодно отчисляется изъ бюджета 60.000.000 рублей.

Въ январѣ 1871 года всѣхъ строящихся и построенныхъ желѣзныхъ дорогъ въ Индіи было 13.377 верстъ; теперь тамъ желѣзнодорожная сѣтъ составляетъ до 22.000 верстъ. Въ 1871 году длина телеграфныхъ линій въ Индіи составляла 26.438 верстъ; теперь же тамъ телеграфовъ около 43.000 верстъ.

Остъ-Индское правительство содержитъ армію въ 204.455 человѣкъ, изъ которыхъ 62.652 европейца, а остальные 140.800 человѣкъ туземцы, вербуемые на 3-хъ лѣтній срокъ, безъ различія вѣроисповѣданія и кастъ.

Войска раздѣляются на три арміи: Бенгальскую (командуетъ генераль Дональдъ Стюартъ), Мадрасскую (командуетъ генераль Робертсъ, побѣдитель Эюбъ-Хана подъ Гератомъ) и Бомбайскую, которыя подраздѣляются на 19 дивизій и 17 округовъ. Въ 1872 году Остъ-Инд-

ская армія состояла изъ 3 бригадъ и 15 конныхъ батарей, 71 пѣшихъ англійскихъ батарей и 11 туземныхъ, изъ 3 саперныхъ и 3 инженерныхъ корпусовъ, 9 европейскихъ и 49 туземныхъ кавалерійскихъ полковъ, 50 европейскихъ и 142 туземныхъ пѣхотныхъ полковъ.

Остъ-Индская армія не приспособлена къ ея усиленію въ случаѣ войны и представляетъ военную силу, находящуюся всегда въ мобилизованномъ состояніи. Въ случаѣ необходимости усилить наличныя боевыя силы, Остъ-Индское правительство прибѣгаетъ къ усиленію вербовокъ и къ формированію новыхъ частей, кадровыхъ, которыхъ не существуетъ въ мирное время.

Такимъ образомъ, Остъ-Индская армія, взятая внѣ времени и пространства, представляетъ весьма значительныя силы, хотя и организованныя какимъ-то средневѣковымъ образомъ. На самомъ же дѣлѣ эта армія представляется совершенно ничтожною по отношенію къ населенію Англо-Индійской Имперіи.

Имѣя это въ виду, нельзя сомнѣваться, что количество Остъ-Индскихъ войскъ было опредѣлено по соображеніямъ не военнымъ, а для удовлетворенія полицейско-административныхъ потребностей, да и то, не принимая въ соображеніе возможность безпорядковъ и бунтовъ.

Слѣдовательно, съ военной точки зрѣнія Остъ-Индская армія какъ-бы не существуетъ и можетъ отдѣлится противъ внѣшняго непріятеля самую незначительную часть не иначе, однако, какъ подъ условіемъ полного и доброжелательнаго спокойствія внутри страны.

Генераль-маіоръ *А. Гейнсъ*.

К о н е ц ъ.